

Глава 7

Меншиков и Екатерина

В первые годы Северной войны на авансцену выступают два человека, которым предстояло стать ближайшими спутниками Петра, – Александр Меншиков и Марта Скаврнская. Примечательно то, что между ними немало общего: оба вышли из неизвестности и познакомились друг с другом раньше, чем Марта встретила с Петром; вместе они возвысились – он из придворного конюха превратился во всесильного князя, она из крестьянской девушки-сироты стала коронованной императрицей, наследницей и преемницей Петра на российском престоле. Обоим суждено было пережить великого царя, сотворившего их, но ненадолго. После смерти Петра императрица Екатерина довольно скоро последовала за ним, а затем был низвергнут и достигший невероятных высот честолюбивый конюх.

* * *

Могущественный князь Меншиков, самый влиятельный сатрап в империи, Herzenkind («дитя сердца») Петра, был самым близким ему человеком после Екатерины, единственным, кто мог не боясь говорить от имени государя. Он стал фельдмаршалом, первым сенатором, «его светлостью» и князем Российской и Священной Римской империи. На самом известном портрете Меншикова изображен человек с высоким выпуклым лбом, умными сине-зелеными глазами, крепким носом и тонкими, будто карандашом, подведенными усиками. Улыбка его не менее загадочна, чем улыбка Моны Лизы: на первый взгляд открытая и добродушная, она, если присмотреться, кажется скорее холодной и надменной. Его взгляд, улыбка и весь его облик выдают расчетливую натуру и производят весьма неприятное впечатление. Одет этот, как назвал его Пушкин, «полудержавный властелин» на европейский манер. На нем белый завитой парик, как у вельмож Людовика XIV, поверх стальной кирасы надет белый, расшитый золотом, с золотыми кистями кафтан. Шея повязана красным шелковым шарфом, а поперек груди широкая голубая лента ордена Святого Андрея Первозванного. Звезда этого ордена, вместе со звездами польского ордена Белого Орла и других орденов, украшают его кафтан. Словом, портрет человека незаурядного ума, неумолимого и властного.

Имя и карьера Александра Даниловича Меншикова неразрывно связаны с жизнью Петра Великого, но происхождение прославленного помощника Петра окутано легендами. Рассказывали, что его отец – литовский крестьянин – отдал сына в подмастерья к пирожнику, и юный Александр продавал в Москве пирожки. Легенда гласит, что однажды внимание Лефорта привлек смысленный паренек, который бойко расхваливал на улице свой товар. Лефорт разговорился с ним, был очарован его непосредственностью и взял его к себе на службу. Меншиков едва умел написать свое имя, но его сметливость и ловкость скоро были замечены Петром. Паренек, отличавшийся живостью ума, веселым нравом и бывший почти ровесником Петра, полюбился царю: он попросил Лефорта уступить ему Алексашку и сделал его своим личным слугой. Несмотря на этот невысокий ранг, Меншиков сумел использовать свое обаяние и множество полезных талантов для того, чтобы стать самым близким к самодержцу человеком и одним из богатейших и могущественнейших людей в Европе XVIII века. Он был находчив и дерзок. Эти качества и подталкивали его к безудержному расхищению доверенной ему государственной казны, и в то же время спасали его от гнева возмущенного государя. По слухам, как-то раз Петр пригрозил, что отправит могущественного князя снова торговать пирогами на улицах. В тот же вечер Меншиков явился перед государем в фартуке и с лотком через плечо, покрикивая: «Пирожки горячие! Кому пироги подовые?» Петр покачал головой, а затем рассмеялся и простил своего любимца.

Более правдоподобная история возвышения Александра Меншикова чуть менее колоритна. Почти наверняка установлено, что отец Меншикова был солдатом. Он служил в

войске Алексея Михайловича и, дослужившись до чина капрала, стал писарем в Преображенском. Возможно, он и был родом из Литвы: грамота о возведении Меншикова в достоинство князя Священной Римской империи гласит, что новоиспеченный князь происходит из древнего и благородного литовского рода. Ссылки на «древность» и «благородство», вероятно, потребовались затем, чтобы облегчить известному своим консерватизмом императору задачу пожаловать Меншикову титул. Правда, существуют свидетельства того, как Меншиковы владели землей неподалеку от Минска, входившего в то время в состав Литвы²⁸.

Как бы то ни было, Меншиков родился в ноябре 1673 года, то есть на полтора года позже Петра, и детство провел на конюшне в царском селе Преображенском. Он довольно скоро сообразил, какие выгоды сулит близость к Петру. Одним из первых он был принят солдатом в потешное войско Петра. К 1693 году он уже числился бомбардиром в Преображенском гвардейском полку, а Петр предпочитал артиллерию всем родам войск. В чине сержанта Меншиков был рядом с Петром под стенами Азова, он одним из первых вызвался ехать в составе Великого посольства в Западную Европу. К тому времени Меншиков числился денщиком – то есть выполнял личные поручения царя. В обязанности денщиков входило денно и ночью безотлучно находиться при государе, по очереди спать у него в передней, а когда царь путешествовал, и в ногах у государевой постели. Бок о бок с Петром Меншиков работал на верфях Амстердама и Дептфорда. Он освоил ремесло корабельного плотника почти так же хорошо, как и сам Петр, и был одним из немногих русских, кто не чурался этого ремесла. Сопровождая Петра, Меншиков побывал в лабораториях и мастерских Европы, выучился изъясняться на ломаном голландском и немецком и приобрел поверхностный лоск и некоторые представления о светском этикете. Восприимчивый, схватывавший все на лету, Меншиков в то же время оставался русским до мозга костей – именно таким и хотел Петр видеть своих подданных. И по меньшей мере один из них, Меншиков, всей душой стремился вникнуть в новые идеи Петра, был готов порвать вслед за ним со старыми русскими обычаями и, будучи человеком неглупым и даже в какой-то мере одаренным, искренне хотел помогать государю.

По возвращении из Европы Меншиков стал одним из членов Всепьянейшего собора – компании собутыльников Петра. Шести футов роста, крепкий, проворный и искусный во всех столь любимых царем потехах, он сделался заметной фигурой в Преображенском, где его звали Алексашкой или величали Данилычем. Он с одинаковым рвением распевал рождественские колядки в доме генерала Гордона и рубил головы во время стрелецкой казни. Петр пожаловал ему дом, который 2 февраля 1699 года был освящен «по обряду Бахуса».

Быстрое возвышение молодого человека неизбежно порождало толки о его темном происхождении и невежестве. Князь Борис Куракин говорил, что Меншиков «породы самой низкой, ниже шляхетства». Корб с пренебрежением отзывался об этом «Александре, который столь замечен при дворе благодаря царской милости» и который использует свое влияние, чтобы получать взятки от купцов и всех тех, кому требуется содействие властей. Уитворт, британский резидент, доносит в 1706 году: «Я достоверно знаю, что Меншиков не умеет ни читать, ни писать». Обвинение это было справедливо лишь отчасти. Читать Меншиков выучился, но письма всегда диктовал секретарю и неуверенной рукой выводил лишь свое имя.

Однако, несмотря на злословие, влияние Меншикова продолжало расти. Его неунывающий нрав, удивительная способность понимать и почти предугадывать желания и настроения Петра, умение переносить вспышки царского гнева и даже жестокие побои – делали его находкой для царя. Когда Петр, по возвращении из Европы, обвинил генерала Шеина в бессовестной торговле армейскими должностями и на банкете чуть не заколол его

²⁸ Это генеалогическая легенда, придуманная по заказу Меншикова – сына дворцового конюха. – *Примеч. ред.*

шпагой, Лефорт отклонил удар и спас Шеину жизнь, Меншиков же обнял государя и сумел его успокоить. Спустя некоторое время на балу по случаю крестин сына датского посланника Петр увидел, что Меншиков танцует, нацепив шпагу. Возмущенный таким нарушением этикета, да еще в присутствии иностранцев, Петр в кровь разбил ему лицо. Следующей весной в Воронеже, когда Меншиков наклонился, чтобы шепнуть что-то Петру на ухо, последовала очередная вспышка ярости и оплеуха такой силы, что она сшибла его с ног. Меншиков перенес это оскорбление не только со смирением, но и с неизменным юмором. Со временем его способность улавливать настроения Петра и готовность смиренно принять от государя все – и гнев или милость – сделали его незаменимым для царя. Он перестал быть просто слугой и стал другом.

В 1700 году, накануне войны, Меншиков числился в придворном штате. Из письма, отправленного ему Петром в том году, явствует, что на него было возложено попечение о царском гардеробе. Но как только началась война, Меншиков бросился в нее очертя голову, выказывая столь же блестящие способности в воинском искусстве, как и во всем прочем. Он был под Нарвой вместе с Петром и вместе с ним уехал накануне злосчастного сражения. В 1701 году, когда Петр лично руководил кампанией в Ингрии, Меншиков отличился в качестве его первого помощника. После осады и взятия Нотебурга Меншиков был назначен комендантом крепости. Он участвовал в продвижении русской армии вниз по Неве, взятии Ниеншанца и захвате шведской флотилии в устье реки. С основанием Петербурга и началом строительства Петропавловской крепости на Меншикова была возложена ответственность за возведение одного из могучих бастионов, который впоследствии стал носить его имя. В том же году он стал генерал-губернатором Карелии, Ингрии и Эстонии²⁹. Чтобы порадовать царя, Петр Голицын, посланник при венском императорском дворе, в 1702 году добился для Меншикова титула имперского графа. В 1707 году император Иосиф сделал Алексашку князем Священной Римской империи. Спустя два года, в ознаменование победы, которую Меншиков одержал над шведами под Калишем в Польше, Петр возвел его в достоинство светлейшего князя Ижорского и пожаловал ему огромные владения. Примечательно, что не прошло и двух недель, как новоиспеченный князь уже предписывал установить число приходов и количество жителей в них и выведать, какие доходы могут быть получены, а заодно велел, чтобы во время богослужений в княжестве его имя поминалось наряду с государевым.

Несравненно важнее титулов и богатства, которыми Меншиков был полностью обязан Петру, была государева дружба. Со смертью Лефорта в 1699 году у царя не осталось близкого друга, на которого он мог бы положиться и в большом, и в малом, кому бы мог поверять свои мысли, надежды и горести. Место Лефорта занял Меншиков, и за первые годы войны дружба между ним и государем переросла в глубокую привязанность. Алексашка повсюду сопровождал Петру, и ни одна затея царя не обходилась без него. Он был собутыльником Петра на пьяных пирушках, поверенным в амурных делах, лихим кавалерийским командиром и государственным министром – и исполнял все одинаково ревностно и искусно. По мере того как их личные отношения становились более близкими, менялось обращение царя к Меншикову. В 1703 году царь называл его «mein Herz» или «mein Herzenchen». В 1704 году он стал уже «mein liebster Kamerad» и «mein liebster Freund». А впоследствии Петр обращался к нему «mein Brudder». Свои письма к Меншикову он заканчивал словами: «О чем больше писать оставляю, токмо желаю вас вскоре, что дай Боже, в радости видеть»³⁰.

Шло время, Меншиков преуспевал все более, почести и награды продолжали обильно изливаться на него, но и недруги его умножались. Им он представлялся подобострастным,

²⁹ Неточно. Меншиков стал губернатором Ингерманландской (Петербургской) губернии. – *Примеч. ред.*

³⁰ Крылось ли за этой дружбой нечто иное? Уитворт писал: «Некоторые считали, что их близость более напоминает любовь, нежели дружбу, наблюдая их постоянные ссоры и столь же частые примирения». Но в действительности никаких свидетельств гомосексуальных отношений между Петром и Меншиковым нет.

тщеславным и, когда это было в его власти, деспотичным. Он бывал и груб, и жесток, и злопамятен. Его величайшим пороком, не раз приводившим его на край гибели, была алчность. Рожденный в скудости и получивший немало возможностей обогатиться, он тянул все, что плохо лежит. С возрастом это свойство заметно усугубилось, а может, его стало труднее скрывать. Для Петра не было тайной то, что его старый друг использует свое положение для обогащения и нередко ворует прямо из казны, и он неоднократно пытался положить этому конец. Меншикова отдавали под суд, лишали всех привилегий, подвергали штрафу, бывал он и бит разгневанным государем. Но всякий раз пересиливала давняя дружба, царь менял гнев на милость, и Меншиков снова входил в силу.

Однако неверно характеризовать Меншикова всего лишь как ловкого и алчного льстеца. Хотя он и взобрался к вершинам, так сказать, на плечах Петра, он был ему незаменимым другом. Насколько это возможно, он сделался *alter ego* Петра и так превосходно знал, что предпримет царь в той или иной ситуации, что его приказы воспринимались как приказы самого Петра. «Он делает что угодно, не спросясь меня, – сказал как-то о нем Петр. – И я, не спросивши его мнения, никогда ничего не решаю». Худо ли бедно, но Меншиков помогал Петру создавать новую Россию.

* * *

Происхождение Марты Скавронской еще более туманно, чем происхождение Меншикова. Можно лишь строить догадки о ее жизни до 1703 года, когда девятнадцатилетняя Марта познакомилась с царем. Наиболее достоверной представляется версия, что она была одной из четырех дочерей литовского крестьянина, возможно католика, по имени Самуил Скавронский. Скавронский выехал из Литвы и поселился в шведской Ливонии, где в селении Ринген, неподалеку от Дерпта, в 1684 году родилась Марта. Она была еще ребенком, когда от моровой язвы умер ее отец, а вслед за ним последовала и мать. Обездоленных детей разобрали разные люди, и Марта была взята на воспитание в дом мариенбургского пастора Эрнста Глюка. По-видимому, она не считалась служанкой, хотя и исполняла различные услуги по хозяйству – стирала, шила, пекла хлеб и присматривала за детьми. Но и полноправным членом семьи она не была, поскольку просвещенный пастор не позаботился о том, чтобы дать ей образование, и она покинула дом Глюка, не умея ни читать, ни писать.

Марта выросла в миловидную, статную девушку, привлекавшую внимание ласковыми черными глазами и пышной фигурой. Поговаривали, будто фрау Глюк опасалась, как бы цветущая девушка не приглянулась кому-нибудь из ее подрастающих сыновей, а то и самому пастору, и Марте пришлось принять предложение шведского драгуна из расквартированного неподалеку полка. Она была помолвлена с ним, а по некоторым сведениям, и вступила в брак, продолжавшийся всего восемь летних дней 1702 года. Быстрое продвижение наступающих русских войск заставило полк срочно эвакуироваться из Мариенбурга. Марте не довелось более увидеть своего жениха или мужа.

После отступления шведов окрестности Дерпта оказались в руках армии Шереметева, и семейство пастора Глюка попало в плен вместе со всеми местными жителями. Шереметев, человек образованный, принял лютеранского священника доброжелательно и по просьбе Глюка препроводил его в Москву на царскую службу в качестве толмача. Что же до привлекательной воспитанницы Глюка, то ее в Москву не отослали, а оставили присматривать за домом Шереметева, где она и пробыла около полугода. Есть и более колоритная история о том, как, прикрывая наготу одной лишь солдатской шинелью, девушка оказалась посреди полевого лагеря. Выказывалось предположение, что она стала любовницей фельдмаршала. В этом нет ничего невозможного, но и достоверных свидетельств подобных отношений между семнадцатилетней неграмотной девушкой и немолодым просвещенным фельдмаршалом не существует. Впоследствии, став женой Петра, она не испытывала к Шереметеву недобрых чувств, но, с другой стороны, и не выказывала

особого расположения. Короче говоря, ничто, кроме того, что они жили под одной крышей, не указывает на интимный характер их отношений, и представляется наиболее вероятным, что будущая императрица выполняла в доме Шереметева роль прислуги, и только.

Взаимоотношения Марты с другим ее покровителем, Меншиковым, были более близкими и более сложными. Он уже входил в силу, как царский фаворит, когда заметил ее в доме Шереметева. Марта еще больше похорошела, руки, покрасневшие от грубой работы, благодаря ее новому положению сделались белее и мягче. Она приняла православие и была наречена русским именем Екатерина. Неизвестно, как Меншикову удалось убедить Шереметева уступить ему литовскую девушку, – говорят, он попросту купил ее. Так или иначе, но осенью 1703 года он взял ее с собой в Москву.

Возможно, что в это время восемнадцатилетняя девушка делила постель с тридцатилетним фаворитом. Так это или нет, но тогда между ними возникла привязанность, которая сохранилась на всю жизнь. Им предстояло стать двумя самыми могущественными после царя людьми в Российской империи, но безвестное происхождение делало их обоих целиком зависимыми от царской милости. И помимо государева покровительства, и фавориту, и царской жене рассчитывать было не на что и не на кого – только друг на друга.

В действительности нет прямых указаний на то, что Екатерина была любовницей Меншикова, напротив, судя по косвенным свидетельствам, это не так. В те годы Меншиков был очень привязан к одной девушке из числа теремных боярышень, единственной обязанностью которых было постоянно сопровождать женщин из царской семьи. В 1694 году, после смерти матери Петра, к царю в Преображенское – сугубо мужской мир – переехала его младшая сестра, бойкая царевна Наталья. В числе ее придворных дам были сестры Дарья и Варвара Арсеньевы, отец которых служил в Сибири. При маленьком дворе Натальи Меншикова, как друга Петра, принимали радушно, и скоро между них и красавицей Дарьей Арсеньевой возникло взаимное влечение. Находясь в отъезде, он постоянно диктовал секретарю письма к ней и посылал кольца и драгоценности. Дарья отвечала на письма и слала ему ответные подарки – халаты, постельное белье и рубашки. В 1703 году, когда Меншиков вернулся в Москву триумфатором после военных побед в Ингрии, сестры Арсеньевы переселились к нему в дом, где, кроме его самого, жили его сестры. В этом же доме Меншиков держал и Екатерину. Ухаживая за девушкой высокого происхождения, конечно, можно было одновременно развлекаться с литовской крестьянкой, но Меншиков был серьезно увлечен Дарьей, которая и стала впоследствии его женой.

Когда весной 1703 года Петр встретил Екатерину, она жила в доме Меншикова, занимая положение не вполне понятное нам, но достаточно ясное для царя. Во всяком случае, положение это было таково, что Екатерина могла видаться и говорить с ним. Хотя ему был тридцать один год, а ей всего девятнадцать, царь пришел от нее в восторг. В то время его двенадцатилетняя связь с Анной Монс подходила к концу³¹. Перед ним стояла статная, здоровая, привлекательная девушка в самом расцвете молодости. Она не была классической красавицей, но ее бархатные черные глаза, густые светлые волосы (которые она позднее красила в черный цвет, чтобы не так заметен был загар) и пышная грудь не прошли мимо внимания старого фельдмаршала и будущего князя. Царь оказался не менее наблюдательным.

Что бы там ни было у нее раньше, но с этого времени Екатерина стала любовницей Петра. Для соблюдения приличий она продолжала жить в доме Меншикова, который в ту пору был полон женщин. Поначалу этот дом вели для него сестры – Мария и Анна, но в декабре 1703 года Анна вышла замуж за родовитого Алексея Головина, младшего брата

³¹ Анна, чувствуя, что Петр отдаляется от нее, предприняла попытку вновь возбудить чувства государя демонстративным флиртом с прусским посланником Кейзерлингом. Посланник же воспылал к ней страстью и предложил ей выйти за него замуж. Узнав об этом, Петр лишил Анну своего благоволения, отобрал пожалованное имущество, вытребовав свой усыпанный бриллиантами портрет и поместил Анну с матерью и сестрами под домашний арест. Впоследствии он смягчился. Анна вышла замуж за Кейзерлинга и жила в качестве жены, а потом вдовы посланника в Немецкой слободе до самой смерти, последовавшей в 1714 г.

Федора Головина, ведавшего посольскими делами, – тем самым заметно упрочив положение Меншиковых в обществе. Теперь в доме жили сестры Дарья и Варвара Арсеньевы, их тетушка Анисья Толстая и Екатерина.

В октябре 1703 года Петр приехал в Москву и пять недель провел в кругу этого необычного меншиковского «семейства». Затем он уехал, но в декабре вернулся и пробыл до марта. Вскоре, когда Петр и Меншиков отбыли на войну, Екатерина и Дарья уже путешествовали вместе, присоединяясь к возлюбленным в городках неподалеку от мест расквартирования армий. На протяжении ряда лет эти четверо так сблизились, что отсутствие одного из мужчин вызывало у остальных чувство одиночества и печали. Петру и Меншикову часто приходилось разлучаться. Меншиков, удачливый кавалерийский командир, постоянно находился то в Литве, то в Польше. Женщины, которые из соображений экономии всегда путешествовали вместе, не могли сопутствовать обоим своим возлюбленным одновременно. Соответственно, то Петру, то Меншикову частенько приходилось слать грустные письма остальной троице. Зимой 1704 года Екатерина родила сына, названного Петром, и в марте 1705 года Петр писал ей и Дарье: «Редкое счастье мне выпало. Ох, матушки мои. Не оставьте попечением моего маленького Петрушку. Одежу ему справьте на вашу волю, а токмо был бы сыт да напоен. И почтение мое передайте Александру Данилычу. А вы, я чаю, недобро творите, что о здоровье своем отписать не изволите». В октябре 1705 года родился второй сын – Павел, а в декабре 1707 года дочь, которую назвали Екатериной.

Весной 1706 года Меншиков, находившийся на войне в разлуке с Дарьей, послал ей в подарок пять лимонов – все, что он сумел раздобыть, – предлагая ей поделиться ими с царем. Петр в ответном письме благодарил Меншикова за лимоны и звал его в Киев: «Зело надобно поспеть тебе до Успенья, дабы содейть то, о чем прежде изрядно говорено было». То, о чем было говорено и на чем настаивал Петр, – женитьба Меншикова на Дарье. Он писал Меншикову из Петербурга: «Я не могу оставить отсель не писать вам из здешнего парадиза, где при помоществовании всевышнего все изрядно... точно единое мнение никогда нас не оставляет, о чем сам можешь ведать, в чем возлагаем не на человеческую, но на Божию милость». Меншиков вновь и вновь обещал, но вновь и вновь свадьба откладывалась.

Петр настаивал на этом браке, желая упорядочить положение, в котором жили обе пары. Женитьба должна была утихомирить толки об их квартете, в который входили две незамужние женщины. Безусловно, сплетни не прекратились бы полностью: только женитьба на Екатерине, которая постоянно рожала ему детей, могла положить им конец. Но Евдокия была жива, и царь колебался. Женитьба Меншикова все же могла послужить первым шагом – Дарья стала бы почтенной замужней дамой, в обществе которой и Екатерине можно было путешествовать, не нарушая приличий. Наконец в августе 1706 года Меншиков уступил и Дарья стала его женой – разделяла его мысли и заботы, заботилась о нем и, как могла, сопутствовала в походах и разъездах.

Теперь, когда женился Меншиков, Петр и сам стал подумывать о том, чтобы сделать такой же шаг. Во многих отношениях брак сулил больше неприятностей, чем выгоды. Ревнители русской старины решили бы, что царь тронулся умом, если решил жениться на неграмотной иноземной полонянке. В годину национальных испытаний, когда Петр понуждал подданных жертвовать многим ради отечества, мог ли он ошеломить их подобным поступком, не возбудив серьезного недовольства? Но в конечном итоге все эти доводы, сколь бы разумными они ни были, рассыпались перед простым фактом – ему нужна была эта необыкновенная женщина. В ноябре 1707 года, спустя пятнадцать месяцев после свадьбы Меншикова, последовала и свадьба Петра. Ее сыграли в Петербурге, в узком кругу, без той пышности, которой было отмечено бракосочетание князя. Екатерина родила Петру троих детей, затем четвертого и пятого, но некоторое время он держал свой брак в тайне не только от подданных, но и от некоторых своих министров и даже членов царской фамилии³².

³² Ни для двора, ни для царской семьи не было тайной, что Екатерина почти каждый год рождает детей. –

Екатерина была довольна своим новым положением – ни на одном из этапов своего удивительного возвышения она не пыталась добиться большего: вынашивала его детей и все больше принашивалась к его привычкам и пристрастиям. Он же не переставал тревожиться о ее будущем. В марте 1711 года, перед тем как отправиться вместе с Екатериной в Прутский поход, Петр призвал к себе сестру Наталью, невестку Прасковью и двух ее дочерей. Представив им Екатерину, он объявил, что она его законная жена и должна почитаться в качестве русской царицы. Петр сказал, что намерен совершить публичную церемонию бракосочетания, как только позволит время, но коли суждено ему будет умереть прежде, они должны принять Екатерину как вдовствующую царицу.

В феврале 1712 года Петр сдержал слово и повторно сыграл свадьбу; на сей раз гремели трубы и барабаны, был приглашен дипломатический корпус и устроен грандиозный банкет с праздничным фейерверком. Перед свадебной церемонией объявили о принятии Екатерины в лоно Православной церкви и она была крещена по православному обряду, причем крестным отцом был ее пасынок, царевич Алексей. Поэтому в официальных бумагах царицу стали называть Екатериной Алексеевной.

Новая жена обладала качествами, которых Петр не встречал у других женщин. Она была отзывчивой, веселой, способной к сопереживанию, добросердечной, неприхотливой, отменно здоровой и с большим запасом жизненной силы. Среди всех соратников Петра только Екатерина да Меншиков обладали почти такой же, как сам государь, феноменальной энергией и импульсивностью. Крестьянский здравый смысл Екатерины помогал ей мгновенно распознавать всякую лесть и обман. Как и сам Петр, высказывалась она прямо, просто и откровенно. В семейном кругу она любила веселую шутку и порой обращалась с Петром как с большим ребенком. Но у нее хватало такта на людях держаться в тени. Она была достаточно проницательна и умела вникнуть в заботы Петра и понять его характер. Веселая по натуре, она не таила обиды на мужа, даже если тот бывал в мрачном настроении и вел себя несносно Александр Гордон, зять Патрика Гордона, пояснял: «Главное, отчего царь был так к ней привязан, – это ее исключительно добрый нрав: ее никогда не видели брюзжащей или унылой, она всегда была услужлива и вежлива со всеми и никогда не позволяла себе забыть о своем прежнем положении».

Как никто другой, Екатерина умела справляться с болезненными припадками, которые сопровождалась у Петра страшными судорогами. При появлении первых грозных признаков приближенные бежали к Екатерине, которая тут же являлась, решительно укладывала мужа, брала его голову к себе на колени и ласково поглаживала ему виски и волосы, пока он не засыпал. Так она могла часами сидеть неподвижно, убаюкивая его, успокаивая, когда он начинал беспокойно ворочаться. Петр всегда просыпался бодрым и посвежевшим. Но, конечно же, Екатерина была для него не просто заботливой сиделкой. Душевные качества позволяли ей не только утешать, веселить и любить Петра, но и заглядывать в его сердце, говорить с ним о важных предметах, обсуждать его взгляды и планы, поддерживать его надежды и чаяния. Ее присутствие действовало на него благотворно, беседы с ней подбадривали и умиротворяли его.

Петр никогда не искал в женщинах загадочности и тайны. В отличие от Людовика XIV, у него не хватало времени на заигрывание с прелестными придворными насмешницами, и он был слишком поглощен военными и государственными делами, чтобы тешить себя долгими сердечными осадами или скоротечными амурными баталиями, коими славился Август Польский. После женитьбы на Екатерине у Петра бывали случайные любовницы, но они для него ничего не значили и он быстро выкидывал их из головы. В своей жизни Петр испытывал глубокое чувство только к четырем женщинам – к матери, сестре Наталье, Анне Монс и Екатерине. Среди них следует выделить мать и Екатерину, и такое исключительное место Екатерина во многом заняла благодаря тому, что сумела стать ему второй матерью. Беззаветная, нерассуждающая любовь, которой одарила она Петра, была сродни

всепрощающей материнской любви. Петр верил ей безгранично. Она – подобно Наталье Нарышкиной да еще, может быть, Лефорту, который тоже преданно любил Петра, – могла подойти и успокоить его даже в минуты буйного гнева. Он мирно засыпал в ее объятиях. Нередко, особенно в первые годы, он называл ее в письмах «мудер» или «матка». Позднее она стала для него «Катеринушкой». Так, постепенно, Екатерина завоевывала все большее место в жизни Петра. Порой он изменял ей с какой-нибудь молодой красавицей, но Екатерина только посмеивалась, спокойная и уверенная в том, что ей ничто не угрожает и никто не сможет занять ее место.

Екатерина родила двенадцать детей – шесть дочерей и шесть сыновей, что говорит о любви и близости супругов, как, впрочем, и о завидной выносливости Екатерины. Десять ее детей умерли во младенчестве или в первые годы жизни. Привкус какой-то особой горечи придает перечислению этих дат и имен то, что Петр и Екатерина использовали одни и те же имена в надежде, что очередному новорожденному Петру, Павлу и Наталье повезет больше, чем их почившим тезкам³³. Лишь две их дочери достигли зрелого возраста. Анна, родившаяся в 1708 году, впоследствии вышла замуж за герцога Голштинского и стала матерью императора Петра III. Родившаяся в 1709 году Елизавета стала императрицей и правила с 1741 по 1761 год. Хотя для того времени частые смерти детей были обычным явлением, это не облегчало скорби матери, хоронившей свое дитя.

Во всех проявлениях Екатерина ничем не напоминала царевну из терема или будучую принцессу. Крестьянская выносливость в сочетании с искренним желанием всегда быть подле государя побуждала ее повсюду следовать за Петром – с ним она исколесила всю Россию и побывала в Польше, Германии, Копенгагене и Амстердаме. Она сопровождала его во время Прутского похода против турок и во время Каспийского похода против персов, стойко перенося все тяготы походной жизни и ужасы войны. Она могла скакать верхом по двое-трое суток, спать в палатке на голой земле под грохот канонады; даже увидев, как пуля поразила стоявшего рядом офицера, Екатерина не потеряла присутствия духа.

Она не была ни чопорной, ни жеманной. Петр видел в ней товарища и хотел, чтобы она была рядом даже на пьяных пирушках. Екатерина никогда не противилась, но старалась отвлечь и утихомирить мужа, если это удавалось сделать, не разгневав его. Во время одного из таких кутежей Екатерина постучала в дверь комнаты, где Петр заперся со своими пьяными собутыльниками, и сказала: «Пора, батюшка, домой воротиться». Дверь отворилась, и Петр послушно побрел за ней.

Вместе с тем Екатерина вовсе не была грубой и мужеподобной. Ее увлекало все, что увлекает женщин. Она научилась танцевать и самые сложные па выполняла с удивительной грацией (как и ее дочь Елизавета, которой передался талант матери). Любила Екатерина и наряды, и роскошь. Она могла спать в палатке как солдатская жена, но когда поход завершался, предпочитала жить во дворце и носить драгоценности. Вкусы самого Петра были просты: чем меньше был дом и ниже потолки – тем лучше он себя чувствовал. Но для Екатерины он строил дворцы и разбивал парки в Петербурге, Петергофе и Ревеле. При ее дворе простой суконный сюртук Петра, отделанный скромным галуном, казался неуместным. Придворные Екатерины были разодеты в шелк, бархат и парчу, шитые серебром и золотом, с изящными кружевными манжетами и алмазными или жемчужными пуговицами. Большинство ее портретов, написанных, когда ей было уже за тридцать и она была официально провозглашена царицей, изображают пышущую здоровьем белокурую даму с черными как смоль волосами, черными миндалевидными глазами, густыми бровями и выразительным, хорошо очерченным ртом. Обычно на ней диадема из жемчугов и рубинов, парчовое, отделанное кружевами платье, роскошная горностаевая мантия, словно невзначай

³³ Вот этот скорбный перечень: Петр (1704–1707), Павел (1705–1706), Екатерина (1707–1708), Анна (1708–1728), Елизавета (1709–1761), Наталья (1713–1715), Маргарита (1714–1715), Петр (1715–1719), Павел (род. и ум. 1717), Наталья (1718–1725), Петр (род. и ум. 1723), Павел (род. и ум. 1724).

упавшая с правого плеча и открывающую алую ленту ордена Св. Екатерины, – ордена, который был учрежден в ее честь.

Но несмотря на любовь к парадной пышности, Екатерина не забывала о своем происхождении и, уже будучи супругой Петра и императрицей, всегда оказывала почтение иностранным царствующим особам. Германский дипломат, описывая Екатерину в 1717 году, коснулся и ее внешности, и манер: «Царица была в цвете лет, и ничто в ней не указывало на то, что она могла быть когда-нибудь красива. Она была высока ростом, дородна, очень смугла, и казалась бы еще смуглее, если бы слой румян и белил не скрадывал несколько темный цвет ее лица. В ее манерах не было ничего неприятного, и можно было бы даже назвать их хорошими, если принять во внимание происхождение этой государыни... Можно сказать, что если государыня не обладает всеми прелестями своего пола, то она обладает его кротостью... Во время своего пребывания в Берлине она выказала большое уважение королеве, давая понять, что ее высокое положение не заставило ее забыть о разнице между ней самой и королевой».

О том, что привязанность между Петром и Екатериной с годами только усиливалась, свидетельствуют их письма. Когда им доводилось разлучаться, Петр писал ей каждые три-четыре дня, сетуя на свое одиночество, беспокоясь о ее здоровье и уведомляя о своем, делясь с ней радостями и огорчениями. Если он и пенял жене, то лишь за то, что она отвечала не так скоро и не так часто, как ему хотелось. Ответы Екатерины, которые ей приходилось диктовать секретарю, полны бодрости, заботы о его здоровье и новостей о детях. Она никогда не упрекает мужа, не пытается давать ему советы – словом, не вмешивается ни в его дела, ни в отношения с другими людьми. Тон писем у обоих доброжелательный, заботливый и нежный, с игривыми интимными шутками и насмешливым подтруниванием по поводу якобы имевших место романов. «Я чаю, что ежели мой старик был здесь, – писала ему Екатерина, – так и другая шишечка [шутливое прозвище одного из маленьких сыновей] на будущий год поспела». Почти все письма, и с той и с другой стороны, сопровождались маленькими «презентами» – фрукты, соленая рыба, новые халаты и рубашки для Петра или устрицы, которые так любила Екатерина.

Петр из Люблина, 31 августа 1709 года: «Мудер. Как я и отъехал от вас, ведомости не имею о вас, о чем желаю ведать, а особливо, как скоро можете быть в Вильню. Мне не без скуки без Вас, а вам, чаю, тоже... Мы здесь с господами поляки непрестанно на конференциях о делах Ивашки Хмельницкого бываем [т. е. пьянствуют]».

Варшава, 24 сентября 1709 года: «...За присылку благодарю, и присылаю притом вам несколько цитронов свежих. А что шутите о забавах, то того нет у нас, понеже мы люди старые и не таковские... Поклон отдай тетке [Дарье] от меня. А жених [Меншиков] и третьего дня виделся гораздо с Ивашкою, и упал на судне с кровли на дверь, а теперь лежит немощен, для чего побереги тетку, чтоб не сокрушалась».

Мариенвердер, 16 октября 1709 года: «... Поклон отдай тетке от меня. А что ана полюбила чернца и я о том жениху объявил, о чем зело печалитца, и от той печали хочет сам взблудитца».

Карлсбад, 19 сентября 1711 года: «А мы, слава Богу, здоровы, только с воды брюхо одула, для того так поят как лошадей, и иного за нами дела здесь нет... Пишешь ты, яко для лекарства, чтоб я не скоро к тебе приехал, а делам знатно сыскала кого-нибудь вытнее [здоровее] меня. Пожалуй, отпиши, из наших ли или из тарунчан? Я больше чаю, из тарунчан, что хочешь отомстить [за то], что я пред тем двумя леты занял. Так-то вы, Евины дочки, делаете над стариками!»

Грейфсвальд, 8 августа 1712 года: «Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безскушно ж, аднако можешь разсудить, что дела на скуку менять не надобно. Я еще отселе ехать скоро себе к вам не чаю, и ежели лошади твои пришли, то поежай с теми тремя баталионы, которым велено итить в Анклам. Только, для Бога, бережно поезжай, и от баталионоф ни на ста сажень не отъезжай, ибо неприятельских судоф зело много в гафе [заливе] и непрестано выходят в леса великим числом, а вам тех лесоф миновать нельзя».

Берлин, 2 октября 1712 года: «Объявляю вам, что я третьею дни приехал сюды и был у короля, а вчерась он поутру был у меня, а ввечеру я был у королевы. Посылаю тебе сколько мог сыскать устерсоф, а больше сыскать не мог, для того, что в Гамбурге сказывают явился пест [чума], для того тотчас заказали [запретили] оттоль возить».

Лейпциг, 6 октября 1712 года: «Я отсель сего момента отъезжаю в Карлсбат и чаю завтра худы поспеть. Платье и прочее вам куплено, а устерсоф достать не мог. За сим вручаю себя в сохранение Божие».

Пирмонт, 5 июня 1716 года. В 1716 году Петр получил от жены в подарок очки. В своем ответе ей он писал: «Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй! Письмо твое получил и презент, но чаю, что дух пророческой в тебе есть, что одну бутылку прислала, ибо более одной рюмки не велят в день пить; итак сего магазина будет с меня. А что пинешь, что за старова не признаваешь, и то только покрывает презент первый, дабы люди не догадались, а рассудить мочно, что молодая люди в ачки не смотрят. Впрочем дай Бог видеть вас вскоре: вода действует зело, только уже скучно стала».

Алтона, 23 ноября 1716 года: «...Пишет Александр Данилович, что у Петрушки четвертой зубок вырезался, дай Боже, чтоб и все так благополучно вырезались, и чтобы Господь дал нам его видеть в возрасте, наградя сим прежнюю о братьях его печаль...»

Минуло полтора года, и вот уже Екатерина пишет Петру о сынишке (24 июля 1718 года): «...О себе доношу, что я с детками, слава Богу, в добром здравии. И хотя перед возвращением моим в Петербурх Петрушка был в здоровье своем к последним зубам слабенек, однако ныне, при помощи Божий, в добром здоровий, и три зубка глазовых вырезались. И прошу, батюшка мой, обороны [от Петрушки], понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а именно за то, что когда я про вас помяну, что папа уехал, то не любит той речи, что уехал, но более любит то и радуется, как молвишь, что здесь папа!»

Ревель, 1 августа 1718 года: «Благодарстую, друг мой, за фиго, довели в целости. Я здесь остригся и, хотя неприятно будет, однако же обрезанные свои волосищи посылаю тебе».

18 июля 1723 года, всего за полтора года до смерти, Петр писал из Ревеля, где построил себе небольшой оштукатуренный домик и для Екатерины – пышный дворец: «...Огород, который 2 года как посажен, так разросся, что веры нельзя нять; ибо одинакие деревья большия, которые вы видели, уже в некоторых местах срослись ветвями через дороги... каштаны тоже все изрядны кроны имеют. Палаты только снаружи домазывают, а внутри готовы, и единым словом сказать, что едва ль где инде такой дом правильной имеем. При сем посылаю к вам клубники, которая еще до приезде нашего на грядах поспела, тако же и вишни; зело удивляюсь, что так рано здесь поспевают, а один градус с Питербурхом».

Отрадно читать эти письма. В жизни Петра немного было таких счастливых и безмятежных страниц, как те, что касались его отношений с Екатериной. Из их переписки явствует, что тот, чье детство было омрачено страхом, а жизнь исполнена борьбы, тот, кому довелось пережить ужасную личную трагедию – гибель царевича Алексея, – все же знал мгновения счастья. Екатерина стала для него тихой пристанью в бурном море.